

Безвыходное противоречие.

Более ста лет невозможно было подробно рассматривать совместную жизнь господствующей церкви и единоверия. Она все время была подернута мрачной дымкой. Если и были кое-какие случаи, яркие и очевидные, как, например, название архиереями единоверцев полураскольниками, а самое единоверие — ступенью к никонианству, то наемные адвокаты никонианизма всячески старались сгладить резкость таковых отношений. Но скрытую, а иногда и явную вражду единоверия с новой верой, их неизменное противоречие не всегда удачно замазывали даже и такие дельцы, как миссионеры. Хотя что могли они делать, «работали», что называется, изо всех сил, чтобы отдалить единоверцев от старообрядцев и возможно более приблизить их к порядкам, установленным в 1666-67 гг.

С 1906 года мы были поражены круто изменившимися отношениями между единоверцами и господствующей церковью. С указанного времени единоверие стало дерзновенно выдвигать себя, как самодовлеющую единицу, как самостоятельную церковь. Та роль, которую оно вначале восприняло на себя, — быть мостом, по которому должны проходить в никонианство отступники древнего благочестия, отвергнута передовыми единоверцами. Среди вождей никонианизма поднялся переполох. Как быть, что делать со столетним воспитанником платоновской фантазии? Сотни авторитетных голосов высказывали замысловатые предположения, но определенного никто не мог представить для ослабления необъятно возрастающей вражды единоверия к «православию». Или столетнее детище оказалось слишком капризным, или князья русской церкви беспомощно растерялись пред его оглушающим криком.

Посмотрите труды первого съезда единоверцев[1]. С этого времени отношения к единоверию архиереев господствующей церкви стали бессодержательны, спутаны и неразумны. Точного и единого регулятора, направляющего к слиянию и миру, не найдено, и местным епархиальным владыкам достался простор действовать по своей воле и улаживать единоверческие приходы, сообразуясь со своим знанием, умом и обстоятельствами. Если бы мы имели возможность проследить отношения архиереев к единоверию во всей России, то получилась бы прекурьюзнейшая история, достойная одновременно и смеха и слез. Мы говорим так потому, что имеем под руками документы, оправдывающие высказанный нами взгляд.

В начале 1912 года екатеринбургский епископ Митрофан устами консисторских членов заявил: «К этому консистория уполномочена заявить, что преосвященный епископ Митрофан находит даже неотложно необходимым существование особых епископов для тех из единоверцев, которые до сих пор не поняли и не хотят понять идеи, положенной в основу единоверия, которая состоит в постоянном сближении с православной церковью во всем и в окончательном слиянии с нею во едино стадо[2].
Подписали: чл. консистории, протоиерей *Леонид Игнатов*. И. д. секретаря *В. Соколов*. Столоначальник *Федоров*».

Итак, 21-го февраля 1912 года еп. Митрофан ясно определил цель для единоверцев, находящихся под его управлением, и безвозвратно указал путь, по которому они должны неуклонно пойти, постоянно сближаясь во всем с русской церковью и окончательно сливаясь с нею во едино стадо.

В чем же собственно «во всем» сближаться и сливаться? Конечно, не в догматах. Ибо, по заявлению обеих сторон, они содержат их одни и те же. В обрядах, обычаях и преданиях, — вот та неслиянная трещина, разделяющая единоверие с никонианизмом. И странно, — по мнению еп. Митрофана, при наличии

невозможности это слияние вполне возможно. Следует обратить внимание и на то, что этот архиерей указывает не своим присным сблизиться с единоверием и воспринять древние предания, а как раз наоборот, — единоверию погрузиться в новоизмышления никонианизма и (окончательно слившись с ним) воспринять все, что накопилось в реформированной церкви с половины семнадцатого столетия. Именно на это и дано благоволение и благословение екатеринбургского владыки.

Проходит год и еп. Митрофан делает следующее распоряжение:

«По указу Его Императорского Величества, екатеринбургская духовная консистория имела суждение о причинах отпадения от православия в старообрядчество и о мерах к ограждению православных от совращения в раскол и сектанство, и, по обсуждении, между прочим, приказали и его преосвященство утвердил: имея в виду, что одною из причин отпадения из православия служит в некоторых православных приходах небрежное и неблагоговейное совершение богослужений, предписать причтам православных церквей относиться к совершению богослужений с должным благоговением, с выполнением положенного чина православной церкви; особенно внимательно, истово изображать на себе крестное знамение. Всем причтам должно вести внебогослужебные собеседования, на которых последовательно уяснить, главным образом, учение св. православной церкви, а также разъяснить гибельность заблуждений, существующих в данном приходе, дабы каждый прихожанин или прихожанка удовлетворены были в их духовных запросах и могли дать ответ вопрошающим о их уповании. О чем и дается настоящий указ к должному исполнению. Февраля 14-го дня 1913 года».

Такого же содержания разослан циркуляр и в единоверческие приходы, лишь с таким добавлением:

«А в единоверческих приходах самовольное изменение священниками порядка в богослужениях и церковных обычаях, *с целью приближения их к уставу и обычаям православию церкви*, — предписать причтам единоверческих церквей *соблюдать обязательно существующий в их храмах порядок изменения богослужений, не делать в нем своевольных изменений, с целью приблизить их к обрядам православной церкви, памятуя*, что единоверческие церкви и устроены для лиц, привязанных к чину богослужения по старопечатным книгам. О чем и дается настоящий указ к должному исполнению. Февраля 18-го дня, 1913 года».

Как видите, тот же архиерей, от тех же единоверцев настоятельно требует, чтобы они *не* приближались к господствующей церкви, чтобы они строго соблюдали древний чин и устав богослужения. В настоящем году требует совершенно иного, что он же требовал от них в прошлом году (в следующем, пожалуй, потребует чего-нибудь неслыханного). И это высказано не как пожелание, но дано к строгому и неуклонному выполнению^[3].

Почему такое обнаженное и вопиющее противоречие? Ужели еп. Митрофан действовал со скрытым коварством, просто не понимая своих распоряжений? Едва ли.

Все зло, вызывающее на такие кричащие несообразности, вся вина, рождающая подобные провалы, находится не в личных отношениях архиереев к единоверцам, но в той системе, которая возникла в мозгу митрополита Платона и осуществлена в 1800 году. По этой мысли, единоверие есть платформа, на которой состоит передвижение старообрядцев в господствующую церковь. И вот здесь-то, в этом месте и является труднейшая задача, которую в интересах никоновского православия тяжело и невозможно решить. Единоверцы должны бесповоротно сознать, что крайняя цель их существования, это — слиться с русскою церковью.

Сознавая же это, они должны исподволь приближаться к ней и вводить у себя никоновские обычаи и обряды. Ведь единоверие и пущено по этому направлению. Но здесь выплывает крупный недостаток в том, что старообрядцы, видя нескрываемое искажение в единоверии, не идут туда ни за какие поманки и посулы. Остается одно: «поднять, — как выразились на съезде, — единоверие» и привлекать староверов сюда путем точного выполнения устава и обрядов дониконовской церкви. Но здесь является гроза еще опаснее. *Само единоверие подымается и требует признать его самостоятельной церковью.*

Таким образом, выходит, что в интересах господствующей церкви эти два положения недопустимы. Недопустимо самостоятельное прочное существование единоверия и немислимо уничтожение его. На этих двух китах единоверие ныне и покоится и может только жить и влачить свое существование на этих двух колеблющихся противоречиях. Удерживая единоверие, епархиальная власть обязана говорить и будет говорить ему и белое, и черное, и мутное, и светлое, и сладкое, и горькое, и да, и нет, хотя бы это было некрасиво с точки зрения человеческой порядочности, хотя бы это было глупо со стороны иерархических отношений, хотя бы это, наконец, было даже нечестиво и преступно со стороны евангельской правды. Сказать же единоверцам правду — кто они... сказать же, что у каждого новообрядца в уголке души таится определенное убеждение, что они — бессознательный, бездушный и мертвый мост к мертвому никонианству, — это равносильно развязать руки и отпустить их в старообрядчество. Вот почему каждый архиерей господствующей церкви, в пределах коего находятся единоверцы, всегда будет противоречить себе и попадать в положение, описанное одним отцом Церкви, который говорит: «А теперь ты как бы волка поймал за уши: и держать не можешь, и выпустить боишься» (Твор. Иеронима, ч. IV, стр. 317).

Священник Церкви Христовой.

Из журнала «Церковь». 1913, №40 С.953-955.

[1] Состоялся в 1912 г. в Санкт-Петербурге. В нем участвовали видные новообрядческие архиереи, а также около двухсот делегатов от единоверческих приходов России. Председательствовал на съезде известный деятель синодальной церкви — архиепископ Галицкий и Волынский Антоний (Храповицкий) (впоследствии — первоиерарх Русской заграничной церкви). В качестве наблюдателей присутствовали представители старообрядцев часовенного согласия — Ред.

[2] Не лишне здесь привести мнение председателя единоверческого съезда архиепископа волынского Антония. Он говорит: «Я искренно скажу, что вовсе не обрадовался бы, если бы сказали, что через 100 лет не будет единоверия, а будет лишь православие». Предоставляем решить единоверцам — противоречие это или нет? Какой архиерей говорит правду? Возможно, что единоверцы скажут, что раз епископы непогрешимы, следовательно, и тот владыка полон благодати, который желает бессмертия единоверию, и тот епископ обладает истиной, который желает скорейшей смерти единоверию. А по-нашему, и тот и другой неправ, по словеси апостола Павла, они — преступники: «Яже аще разорих сия паки созидаю, преступника себе представляю».

[3] Но вот что странно: последователи Никона с великой натугой кричат о том, что консисторско-приказная форма и есть самая лучшая, до какой только и может достигнуть христианский гений. Здесь, говорят, священник свободен и назависим, им распоряжается только архиерей, а приход не имеет ровно никакого голоса. Говорят, все что приказано, точно и скоро выполняется. Но на деле оказывается иначе. На епископские распоряжения

никто не обращает внимания, как это увидим из рассматриваемого факта. Со времени рассылки приведенного приказа, данного еп. Митрофаном единоверцам своей епархии, прошло более полугода, а в единоверческих храмах г. Екатеринбурга и не подумали исполнять приказание своего архиерея, несмотря на то, что они, как говорится, находятся «под носом» владыки. Здесь продолжают петь партесно и иметь в богослужении много никонианских обычаев. В Рязановской церкви единоверцев ревнителей старины заклеямили крамольниками, а в Спасской — известного столпа единоверия среди уральской округи, Самарцева, без объявления причин удалили от старства. И это после консисторского указа. Да, незавидное положение единоверцев. Как ни поверни, они же, бедные, виноваты. Кстати, два слова. Среди всех уральских единоверцев более всех тянет в никонианство благочинный всех единоверческих церквей Екатеринбургской епархии Сушков. Прекрасно зная подлинное мнение своего владыки о единоверии, он и не подумал «выполнять древние уставы». Вскоре же по получении известного уже нам приказа он, в присутствии еп. Митрофана, на лекциях изображал такое «крестное знамение», что оно было похоже на что угодно, но только не на крестное знамение. Даже батюшка господствующей церкви изображал нечто похожее на крест, а о. Сушков, полусогнувшись, чертил на груди какие-то «каракули». Ведь он — наперстник архиерея!